

Из сб. Белорусские песни,
с подробными объяснениями их
творчества и языка, с очерками
народного обряда, обычая и всего быта
издал Петр Безсонов
Москва, 1871

с.61-68

Многие части праздника и обрядов, равно как многие песни Купалы, разошлись ныне на Белой Руси к Великому Дню, в Волочобный, к Сеймиковым или Троицким с Русальными, а равно через полгода к Коляде; Купальские песни кроме того разложились на простые Весенние или Летние, на обычные житейские прочих разрядов, бытовые и былевые. То, что за сим сосредоточено ныне к Купале, имеет место с вечера 23-го Июня, во всю Купальскую ночь, накануне И ванова дня, под утро дня-24-го Июня.

Главное существо, которое влагает душу во весь праздник и дает ему имя, кому совершаются все обряды и о ком поют песни, кому принадлежит название самого обряда, дня его или, лучше, ночи равно как заголовок песни, — это Купала: мать, женщина или баба, вдова; не редко она же и дочь, и в сем случае двоится, делится. — Но Купала на Ивана: Иван или Ян есть утро после кануна, день после ночи, будущий или наступающий; черты его сохранены в песнях и обрядах, но лишь по отношению к Купале, матери и дочери. Настоящей или действительный должен бы он праздноваться днем после ночи: но праздник его совершенно поглощен церковным, и народное потеряло свои древние отличия в церковном-христианском.

Связь Купалы и Ивана образует иногда двойное имя, существо и торжество, — Иван-Купала: но таково оно особенно у Руси Великой, не Белой.

Купала Белорусская, с ее особенностями, какие есть, обводится в торжестве, обрядах и песнях, тою же чертою существования и местожительства, как Белорусское племя и наречие, — средоточием области Виленской, частию Смоленской и Витебской, откуда, соседи с Русью Великой, входит и в Псковскую, и в Новгородскую, и в поселению Немецкие то есть собственно Чудские и Латышские, в области преимущественно Ковенской сливается с Литвою, где применяется в самостоятельной и не меньшей силе; на Западе и Юго-Западе упирается в Русь Черную, массу Польскую или Русь Малую: на Юго-западе же и Юге врезывается в Русь Малую область Гродненскую, Минскую и Могилевскую. — С северо-востоком, то есть с Русью Великой, судя по памятникам, в старину была ближайшая связь: ныне же там обряд почти вовсе исчез, песни разошлись по другим отделам, и сходство ослабло. — Напротив с Малой Русью, далее с Червонной

и Карпатской, Белорусская Купала делит многие обряды и песни, близко сходные и даже одинакие; та же Купала, но уже меньше или как один слабый остаток древности, отзывается и у прочих Славян. - За то, чем западнее они, в особенности Поляки и Словаки, тем прямее Купале соответствует там Сobotка, Собутка или Суботка, известная отчасти и у Малой Руси, по мере близости ее к западу: этот тот же праздник и обряд, та же песня, но с некоторым особенным применением и далее развившимися чертами; здесь в обряде и песни, виднее Иван, чем Купала, а из Купальского образа виднее дочь-девушка, чем мать; более само дерево, в зелени и цвете, темк костер из деревьев; более вино, чем вода, если же и вода, то целая река, на которую пускается костер; а главное - гора, получившая то же имя Суботки, с субботою или шабашем на ней ведьм, ведунов, всем Купальских чудищ. - Наконец, в крайнем развитии, на обратном конце, у некоторых Славян, вместе с Западно-европейскими народами, внимание народное целиком поглощено самим Иваном, и день носит его имя. Такая крайность совершенно неизвестна Белоруссам в народном смысле: она у Белой Руси имеет место на другом, обратном пределе года, через полгода, когда образ и обряд Ивана отчасти оживает в Коляде.

Белая Русь оказывается и есть между Славян срединным, исходным и главным местом древнейшего торжества Купалы, в тесном, определенном и своеобразном смысле сей последней.

Здесь, при песнях, достаточно уже приведенных и объясненных, обряд имеет следующие, главные и непеременимые черты:

Вечером 23-го Июня, совокупление по возможности всех жителей из хат и деревень, кои остаются за сим почти пусты, в поле, на горку, к ручью, к реке и большой реке, а где все это есть - соединение всего вместе.

Главную роль играют девушки: рядом неженатые молодцы, в соответствующих парах и рядах; из них вместе - танок; за тем - замужние молодые женщины, бабы, вдовы; слабейшая роль остальных; общий перевес на стороне женской. Старики и старухи не столько действуют, сколько участвуют, именно приют; часть их, равно как девочки, - дома, стереж хату и детей; но мальчики имеют свои кружки, пляски и даже песни.

Главный разгар праздника, гулянья, песень - ночью, на Ивана.

Делают и убирают куклу, чучелу - женскую: носят ее, пляшут вокруг, зажигают; позже - топят в воде. Оттенки мужского образа здесь едва заметны, и то лишь в песнях, или в действе с Купалой, в существе полужужском, полуженском. Матерьял куклы - остав столбом или колом, потом солома, лыки, конопель - верьва, хворост, березки.

Гораздо общеупотребительнее и неременен повсюду, как исключительная особенность, без коей нет Купалы — костер, зажигаемый, сгорающий, иногда заливаемый водою: преимущественно дуб, солома, конопля, но и береза, сосна и прочее под рукою. Огонь в некоторых местах разводится трением досок или из досок, доски из разбитых бочег, чанов, кубла, ведер, домашней деревянной посуды; прибавка старых лаптей, енуч, лыков, бураков.

Через костер или огонь прыгают, но меньше, чем в Малороссии и других краях. Более пляшут вокруг, гуляют, обходят, или пируют.

Вместо костра или при нем горит иногда бочка, где есть — смоляная, где позволяет местность — на пригорке или крутой горе.

Заливают огонь кублами /чан, ушат с крышей/ и ведрами, реже пускают его гореть на воде или на плоту: это принадлежность более западной Сobotки; еще реже ныне купаются под утро, с забвением старины, очищением понятий и укреплении Христианства, вместе с тем ночью бывает и менее грехов; по некоторым местам, в замен того, употребляется лазня, баня, и то уже как приготовление к празднику или очищение после Купалы.

Независимо от костров, хотя в тесной связи с ними и вблизи, для празднующих устраиваются в поле сени, кусты, куши, натры их зелени, хворосту, сучьев.

Самое место, где собираются, обгораживается, обсаживается зелеными деревцами, чаще березками и колышками, в роде зеленого тына, плетня. Это характер места священного, заповедного. Вообще исстари, и по раннему развитию частного землевладения, на Белой Руси нивы и луга обгораживаются: как священная собственность, они огорожены и прадревним священным уважением, именем заповедников,, именем царин, столь известных в Малой, Червонной Руси, и в Средней Болгарии, то есть в нынешних Дунайских княжествах. Место празднования Купалы устраивается и понимается именно как эта царина, заповедная, притом уже не частная, а для всех собравшихся, общинная.

К обряду же относится сопровождение песен усиленных и немеренных притопываньем, стуком; если можно, во что-нибудь бьют, хоть в кубло, или ведро: это и отзывается в припеве самих песен. Где только уцелела волынка или можно ее достать — там она неременная принадлежность, при ней и дударь, скоморох с подпляскою, за неимением — хоть скрипка.

В убранстве празднующих главное внимание обращено на женскую голову и обувь: к обыкновенным сорокам или /у замужних католичек/ чапцам /побогаче — с цветами и лентами/ на восточной окраине Белоуруси

прибавляют для этого праздника - девушки войник, род полуповойника из голубой материи с бисером и узорчьем, этого известного остатка от древнего металлического венца, а вместе /вторичный, какой можно иметь ныне/ венок из трав и цветов; замужние - поневайко, глухой /с дном/ повойник, столь же разукрашенный. Лапоть играет большую роль во всем обряде, песнях и сказаниях Купалы: но как его, и мужских сапогов, нечем ныне разукрасить, то для праздника женский пол щеголяет по крайности чулками и подвязками.

Угощение, приносимое со всех зажиточных домов, употребляемое и врознь, кружками, и в складчину сообща, состоит из сыру, творога, пресных лепешек - бабок, с толченым конопляным семенем, луком, чесноком, пряными зельями, холодна-квасу, яшницы, верещаги, в которой употребляется сало и мясо /единственное исключение из остального, более растительного кушанья в сей праздник/, и т.п. Сообразно характеру Соботок, и по местности, тому благоприятствующей, западнее и юго-западнее, при этом в ходу вино виноградное: но и там, а в Белой Руси исключительно водка, в возможном обилии. Обычно трезвые, разве только в этот праздник допускают Белоруссы и Литовцы некоторое исключение. А так как собираются кучи народа, то конечно потребляются целые бочки и боченки: их то разбитые остатки и идут в пополнение костров.

Известная сравнительной чистотой и целомудрием семейная жизнь Белой Руси, если когда допускает пробелы или пятна, с неприятными последствиями, то именно и по преимуществу в Купалу. Впрочем развитие Христианских воззрений и усилие церкви, особенно католической, вместе с постепенным ослаблением старого языческого обряда, все больше и больше полагает тому предел.

Ведьмы или Чаровницы, повторяющие в себе древнюю светлую, ныне уже озлобленную и демоническую Купалу, играют в ее ночь значительную роль. Правда, как разгар страстей и большие к тому средства перешли на далекие от Белой Руси или соседние Сobotки, а потому Чаровницы, по народным представлениям, отправляются в эту ночь из Белой Руси в Малую, вообще на юг и запад, на тамошние Лысые горы или горы Сobotки: но однако деяниям их, ко крайней мере следам и способам деяний, всем этим "страстям и ужасам" остается довольно места и на родине. Так, отправляясь на Гору оне для того I/ седлают себе и замучивают ездой лошадей, что у нас делается Ведуном или Домовым, и против чего употребляют Белоруссы меры, развешивая веники из трав или освященные зелья в конюшнях, крепко запирая и сторожа сии последние, не отпуская коней на ночлег в поле и т.п. И все-таки на другое утро многие лошади измучены так, что валит пар или спутан волос /ср. выше поезд Ивана ночью за девушкой/;

2/ ведьма для себя и прочих товарищей в эту ночь выдаивает у коров молоко, предварительно напавшая их росой из огородов, выцеживает или выпивает его из посуды в погреб, сведает сыр и все молочное /ср. выше угощение Купалы, в ее прием, и угощение самих крестьян на празднике/: против этого опять убирают рога скотин венками и святоянским зельем, втыкают травы по углам хлебов, особенно ластовицу, ласточник, вешают над дверями убитую сороку, крест на крест лучину /как в Богоявление/, более же ставят восковую свечу, освященную в Сретение, и, как самый этот праздник, называемую Громницею /свеч боялся чаровницы и чаровники: ср. выше подвиги Яна ночью; если ж была у него свеча, как употребляется и костер, то это освящается Громницею/. Но есть еще действительнейшее средство, и признать, и отогнать чаровницу: она, принимая вид добрый, вид светлой Купалы, посещает также хаты, как некогда и Купала. Хозяйка берет молочную "недилку" и варит ее в горшке с освященным зельем: как бы почувяв готовое кушанье /ср. выше изображение "Дядиной" ажно желающей варева из зелья/, ведьма приходит в хату и обыкновенно просит и займы ведро, ушата, решета /ср. выше употребление этой посуды/: ее уже стерегут, и, если чегонибудь, хоть песчинки не успеет унести она, то непременно начнет сохнуть, хворать и даже умирает /ср. смерть "Дядиной"/. Легко узнать ее проделки и на другой день после ~~вечер~~ ночного шабаша: лежит она в хате чуть живехонька, ни шевельнуться, ни поворотить языком. А главная цель ее прихода ~~в~~ хату в эту пору - украсть ребенка. Именно, 3/ мы видели выше слабое, чуть заметное упоминание дитяти, новорожденного от Купалы, от дочери ее или просто девушки: его праздник собственно через полгода, ровно 24-го Декабря, когда празднуется Рождество. Но в Купалу он страдает /ср. выше, как девушка его топят в Дунае/: это же любимое блюдо и на шабаше, если только успеют достать новорожденного и не окрещенного. Для того ведьма, как древняя Рожаница, прикидывается повивальной бабушкой и пробирается, около времени Купалы, к готовым или недавним родильницам. Раз в Гродненской губернии /по рассказу Петра, крестьянина из Деревни Стриевки Озерской волости: ср. в "Виленском Вестнике" 1867 г. № 119 и 120, статьи Г. Славутинского "Этнографические очерки Гродненской губ"./, она забралась к родильнице в виде лягушки /ср. выше брак лягушки или жабы на шабаше/: муж, заметив ее, хватил топором и отсек ей правую лапку, покушавшуюся на младенца. Что же? На другой день пришел он к бабке, звать ее на крестины: она-то и была ~~не~~ ведьмой, - лежит и охает, а правая рука у ней отсечена. В сем качестве чаровница является особым существом. - Стрига /подробности см. в особой нашей статье/: это женщина огромного роста, с распущен-

ными волосами, впалыми щеками и зелеными кошачьими глазами. Она иногда показывается, куда поселиться. "Встретившись с нею, беременная женщина обещается ей, и за себя, и за домашних, ничем не беспокоить ее, во все время пребывания у них в доме, И действительно, беременная женщина извещает домашних о появлении Стриги, и утуть не со слезами, умоляет их не сердить непрошенную гостью: ^Идомашние словечком дурным боятся помянуть ее, напротив относятся к ней с уважением. Прогневавшаяся Стрига может натворить много лиха: она может подменить красивого ребенка на уродца, может изувечить и даже совсем убить. Сильно озлобленная Стрига схватывает ребенка и в глазах матери размазывает ему голову о камень. Почти ничем нельзя отделаться от Стриги, даже ~~еще~~ и святая вода не помогает. Для сохранения от нея ребенка, есть только одно средство: его купают каждое утро кроме пятницы, до захождения солнца, и воду выливают также до захождения солнца /ср. выше в Купалу купанье дох солнца, солнце, восходя, играет, и его должно встречать уже после купанья и Купалы/. После захождения солнца воду уже нельзя выливать. Купать же ребенка в пятницу от того нельзя, что в этот день умер Спаситель мира и в этот день, по поверью крестьян, он ходит благословлять новорожденных. Искупав ребенка в этот день и вылив воду, можно залить глаза Спасителю. С этим связано на Белой Руси, как и На Великой в особенности, почитание Пятницы и Пятниц, опасение мыть в этот день белье, золить и купать детей, дабы "не прошли слезы у Пречистой" /ср. выше празднование Купалы, кончающееся Шабалем или Суботкой; черты былевия о задачах суровой матери и свекрови - мыть белье, золить и качать ребенка; утопление ребенка; слезы Купалы, ее дочери и Ивана, слепоту их. Ср. также выпуски "Калек Перехожих" 5,6 и 8, о Пятницах и Хождениях, а равно особую статью ниже/" - Наконец 4/ Чаровница или Ведьма, Сменившая светлую Купалу, упорно отстаивает права сей последней в Купальскую ночь и, как озлобленная, действует на зло. По памяти "царины" или заповедного сгороженного места, где некогда стояло изображение Купалы, и где в "лазни" кланялись "солухе", чаровница в ночь на Иванов день заламывает на четыре угла рожь в поле и делает из нее Куклю, как называют белоруссы, то есть куклу или чучелу /ср. выше сжигаемую или топимую чучелу Купалы из соломы, равно "заломы" на всей Руси, "Кал.Перех". вып. 5,6 и 8/ "Крестьяне считают это для себя за большое лихо. Если хзяин ржи во время не увидит этой шутки колдуньи, то зерно все высыпется, останется одна только солома. Жница, сжавшая заломанную лиходейкой рожь, высыхает как былинка, руки и ноги ее сводит в корчу. Иногда под куклю колдуньи подкалывают уголь, или скорлупу от яйца,

или кусок от земли. Это пугает крестьян еще больше: уголь означает, что хозяин загнутой Кукли погорит, скорлупа — что хозяин обеднеет как облупленное яйцо /ср. выше Купальские средства к обогащению/; кусок земли, — помереть хозяину в тот же год. О средствах к отвращению сего см. ниже.

Зелья, былина, травы в Купальскую ночь собираются вообще все, какие только пригодны для разного употребления, именно для веников, лекарств и кушанья, это лучшая их пора. Но, как везде у славян и на всей Руси, у Руси Белой есть травы и цветы отборные, исключительно принадлежащие Купальскому дню: Рута, Василь, Василек; Дягель, Дягиль, Дягель; Богатки; Солодка, Солодушка; Буйрак, Бурашник; Ластовица, Ластовень и Курослеп, Куриная Слепота; Перелёт; Лопань, Лапук; Былица; Расходник; Бра́тишки, Брат с сестрой, Иван да Марья; всего же более Папороть, Папыротка, Папоротник. Он цветет лишь раз в году, необыкновенным, чудным, ослепительно белым цветом, именно в эту полночь. Клады или котлы с золотом и серебром, которых действительно много на Белой Руси и которых ищут поселяне, особенно дают о себе знать в Купальскую ночь: над ними выскакивает волк, горит огонь, а всего более цветет папоротник. Но, кто сорвет цвет, получает не одни клады: его сила всех одолевает, она отмыкает все замки и запоры, разрушает преграды, добывает все желанное, все знает, разумеет язык птиц и деревьев, уничтожает покушения чаровниц. Трудно цвет подстечерь, еще труднее сорвать от окружающих чертовских страстей, еще труднее убежать с добытым: обыкновенные рассказы, что цветок попадает нечаянно к проходящему Купальскою ночью, именно в лапоть. "В Дисненском уезде /Виленск. губ./ сохранилось предание о работнике, который нечаянно наступил на папоротник, и цвет его упал ему в лапоть. В то же мгновение он стал сведущим, открыл пропавших лошадей, узнал, где сокрыты клады, какие меры должно принять против проказ чаровниц. Придя домой, это всеведущий разулся, цвет папороти остался в лапте, и увы — кончилось всевидение. Окружающие... догадались, в чем дело и бросились осматривать лапоть. Некто "Стипан" /Степан/ поймал цветок и убежал. Донесли пану. Тот не побоялся знахарства Степана, силою отнял от него волшебный цвет, и с того времени горькое житье стало у него не только крестьянам, но и чертям. /Г. Киркора. "Этнографич. взгляд на Виленск. губернию", в "Этнографич. сборнике. т. 3/ /ср. выше, как шьет Иваничка ногоавицы, обычное плетенье лаптей лешим, и ниже предания о Гомсине/" Из сеянных и вгородных растений более играют роль в Купалу Лен, Конопель, Лук, Чеснок /ср. выше/. Из деревьев, в песнях и обряде ко-стра, Ива, Вербя, Рябина, Дуб, Береза, западное Липа; Ехль и Сосна;

из кустарника Горда, Гордовочка или Радовочка /подробности в особой статье/.

Из птиц действуют особенно Кукушка, Сорока и Ласточка: птицы вообще в эту ночь разговаривают между собою и беседуют к людям. Деревья, особенно дубы, с места на место переходят, ведут разговор шумом ветвей. Язык каждого творения, птичий и растительный, можно слышать владельцу цветка папоротника.

Идти за цветом нужно одному, в глубину леса, в тущобу, где дожидаться полночи, обыкновенно с освященным зельем в руках и особенно восковой свечою. Громницею, освящаемою в Сретение, праздник того же имени /с нею и умирать в руках на одре/. На месте, от страстей, очерчивают известный заколдованный круг рябиновой палкою. Но, как сказано, дело обыкновенно не удается, цвета еще никто из живущих не видал, получавшие гибли, владеют неведомо лишь знахари, простым смертным остается одно предание. До самого последнего времени повторяются рассказы о несчастных случаях со смельчаками искателями.

З мечательна наружность главного черта, управляющего ватагою прислужников в Купальскую ночь, над цветом папоротника, по описанию Белорусских крестьян: "Чудовище необыкновенно высокого роста, на челе у него один большой глаз, нос с одною ноздрю, обнаженная голова /ср. выше Лысого беса и Лысую Гору/, страшной величины, вместо ушей большие дыры, на голове один крючковатый длинный рог, правое плечо гораздо выше левого, шеи вовсе нет, вместо рук и ног конские копыта, вместо тела у него рыба чешуя /как у Русалок/, а грудь покрыта длинною шерстью /ст. Киркора/." "Цветок папоротника сторожит бесчисленное множество слуг адского царя, да и сам этот царь, сам набольший дьявол сидит тут же, в руках у него железный шест, раскаленный как уголь. Зорко следит царь чертей за сторожами, хорошо ли караулят цветок. Чуть кто из них зазеваается, он тычет того тем шестом, и- должно быть - очень больно бывает, потому что черт, получивший тычок, с полчаса скачет и кривит рожу, а остальные, глядя на него, что есть мочи ржут, словно целый табун лошадей." /Вил. вестник, 1867 № II9/.

Болезни, исцеляемые купальскими травами: особенно волосник, "волосатик"; известный колтун, местная Белорусская язва, и падухая, корчи.

Реки, по уверению рыбаков, как-то Двина, Днепр, Неман серебрятся особым блеском. Западнее, где празднуются уже Сobotки, например, Буг и Висла, покрываются сами горящими кострами: в чудной картине, огни

мелькают на летучих плотях, гуляющие в челнах, празднуют и поют на воде, а с берегов светят им маяки на пригорках. Только последнее восстание мало по малу кландет конец сему празднику среди Поляков.

На заре должно все кончиться, и именно, где есть обычай того, купаньем. Вслед за тем все отправляются смотреть восход солнца: оно на этой заре играет, дрожит блеском, делится на несколько частей, зайчиков, которые разбегаются, играют и снова сливаются в один круг. По другим, солнце в это утро идет к супругу, на трех конях, золотом, серебряном, перловом, пляшет на колеснице, сыплет с нее лучи и искры.

Утро 24-го числа Июня - перелом, после коего наступает уже Иван, Ян /Белоруссы, православные и католики, соединили в себе черты Славянства и северовосточного, и западного, одинаково употребляют оба имени/: Иваничка, Яночка, д'янь Иванов, Свято-Янский, в Витебской губернии "Ян-день", от поляков - "свенты Ян", ит.п. Но этот день в языческом и народном значении совершенно исчез: он воскрес в христианском, ибо христианство с самых первых времен осватило его празднованием Рождества Ивана Предтечи. Там, где всего более праздновались Купала и Иван, на Белой Руси, с самых ранних шагов водворившегося христианства настроено особенно много церквей и костелов Св.Ивана, Св.Яна. Отсюда началось обратное уже воздействие на все древние языческие обряды и представления.

Литва в собственном смысле, главным образом Жмудь разделяла с Белой Русью вполне празднование Купалы; - даже Евреи, как нарочно, с своим Шабашем, праздником под субботу и в субботу, кущами вне домов и огнями, поддерживали и освежали в народной памяти древние представления. У Литовцев этот праздник называется дошеле Кекирис, а богиня - знаменитая Лада, которой зажигали костры, прыгали через них, приносили в жертву белых петухов, припевали в песнях: "Лада, Лада, Ди-до мусу Деве", "Лада, Лада, Ты Великая наша Богиня". Праздник у них обставлен замечательным мифом о Россе, Круминя, Нойоле, Поклусе и его Прагарасе /см. в особой статье/. Но чем больше это было развито у Литвы, тем более и уничтожено развитием Католичества, которое не только очистило, но даже, как известно, фанатизировало Литовское племя в обратную сторону: все древнейшие и важнейшие святилища христианские, в местах бывшего или нынешнего жительства Литвы, кладбища и храмы покрывают своими фундаментами и огороженными дворами именно старые, чтившиеся языческой Литвою, жертвенники, источники, заповедные урочища и игрища. Белая Русь, сравнительно с Литвою, благодаря терпимости Православия уберегла более дохристианской старины в песни и в обряде.

Там, где некогда, как в Риме, сошлись три главных племени, трое более старых жителей Северо-западного края, в Вильне, с самой древности развилось празднование Купалы самым обширным образом. Местом главным служила Роса, загородная окраина того угла, где преимущественно жила и строилась Русь /все главные и древнейшие храмы ее в этом же углу/: поныне прелестное место, соединение довольно высоких пригорков, покрытых дубом, березою, липою, прорезанных многими тенистыми долинами. Здесь-то, документально, всю ночь некогда праздновали, плясали и пели. Католичество, возобладав с XVI века, устроило здесь в самой середине кладбище, поныне называемое Росы. Но гулянье, не смотря на то, не исчезло и доселе ежегодно совершается близ кладбища, к стороне так называемой "Железной хатки". Собирается чуть не весь город музыка, на окрестных пригорках горящие смоляные бочки, хороводы живущих близ той же местности, истари сюда ушедших, старообрядцев. Мы были здесь очевидцами в 1865 году.

В середине города, как противодействие, с XVI-го века, воздвигся знаменитый по летописям края, огромный и тяжелый костел Свенто-Янский. Церковный праздник 24-го Июня совершается здесь в чрезвычайном величии, во многолюдстве, собранном даже из окрестных селений. Сюда-то приносят утром, собранные ночью, зелья и травы свенто-янские, свято-янския, свято-Ивановские. Образуется вокруг храма огромный живой рынок: зелья освящаются духовенством, святой водою, народ толпами целый день раскупает их, они-то идут в лекарства, в кушанья, в стойла и конюшни против чаровниц, в горшки для варева на пользу косякам и гибель ведьмам, для родильниц, для сопровождения смельчака, идущего за папоротью, ит.д. То же самое совершается и по всему Краю, при храмах, особенно где праздник престольный; по местам тут же освещают и восковые свечи.

Из храма же духовенство в этот день ходило освящать, кропить святою водою "царины", заповедные, общинные, а потом вообще "собственные", в частном владении нивы и луга, откуда особые "цариные" песни, уцелевшие больше у Малой Руси. Ныне с тем же идет духовенство кропить поля и сжигать "Куклю", в случае помянутого залома чаровницею. А случаи повторяются до последних дней. Крестьяне православные приглашают на то место священника, а католики ксендза, чтобы отслужить молебен с волосвятием. Священник или ксендз служат молебен, кропят святой водою рожи и восковой свечой зажигают загнутую рожи. После молебна крестьяне, во избавление от грозившей страшной опасности, до поздней ночи приют на том месте /это уже христианское, свято-янское

разднование, как

празднование, как повторение древнейшего Купальского/. В нынешнем году /1867/ подобную шутку шутила колдунья с крестьянами местечка Озер /Гроднен. губ./. Крестьяне страшно перепугались и успокоились только тогда, когда священник отслужил молебен и предал сожжению "Куклю" /Вил. Вестн. 1867 № 119/.

За городом Вильною, на противоположном углу от Росы или Рось, как оттяжка оттуда, с того же XVI века, времени усиленного водворения католичества, ведет происхождение свое кальвария /латинское слово/, то есть в переводе Лысая гора или Лобное, Краниево /с греческого/ место: гора, с костелом, и многими каплицами, часовенками вокруг /вроде древних народных "лазней"/, освященная уже христианскими воспоминаниями о Страстях Сына Божия. Время празднования на Кальварии, от Троицы или Зеленых Святков идущее в Петрово Говенье совпадает со старым Купальским праздником, который, как сказано, по одну сторону примыкает к Троицкому или Сеймикову, по другую продолжался, в более отдаленную древность, с 24-го Июня до 29-го, до нынешнего Петрова Дня или вообще до конца месяца, совпала, как означено, и обряды, и песни Сеймика, Купалы и Петровок /подробности в отдельной статье/. По стациям или стадиям, освященным каждая особою часовнею со стенными изображениями, празднующие проходят на Кальварии все поприща Страстей Господних: с молитвою в устах, с молитвенниками в руках, с заунывным распевом. В средоточии, около самого костела и между каплиц, многие ползут на коленях, и на коленях взбираются по пригорку, нередко падая в изнеможении или скатываясь сверху; в расширении круга, — ибо он очень обширен, на несколько верст оклицы, — празднующие идут отдельными кучками; городских жителей и особенно крестьян, богомольцев из многих селений, десятки тысяч; в некоторые дни зараз можно считать две-три тысячи. По подножью и спускам горы ряды уставленных возов и телег, раскинутых палаток, делают вид лагеря, табора или ярмарки; толпы же идущих вокруг, поющих так заунывно и так громко, разносят далеко ни с чем несравнимый шум и клич; каждая кучка в отдельности, если посмотреть на передних певцов и обыкновенный, носимый как знамя, длинный шест с навязанным платком, совершенно напоминает обривованных нами выше Волочобников. Тут же и всех видов "калеки" с соответствующими "Стихами". — Кальварии одиноково распростерты, с теми же задачами и особенностями, по всему Краю, прошли в Галицию, утвердились в Польше, а старшие еще обязаны своим происхождением вообще Западному Латинскому миру. Конечно, с их-то именно развития и явилось на Белой Руси сказание, упомянутое выше.

о том, что чаровницы в Купалу уходят ныне в более привольную Малороссию или на Западные и Южные Лысые горы.

Празднуя ныне столь торжественно праздник св.Ивана, крестьяне объясняют это тем, с христианской точки зрения, что он купал Спасителя как Креститель, и переносят на него самого имя Купалы. Таким образом во всех отношениях, даже самими именами, высшее христианское торжество заменило собою языческое и цель мудрых устроителей Церкви вполне достигается.

Того же происхождения нынешние Кирмашы или Ярмарки, имеющие место в тех же числах, 24 и 29 Июня, или в промежутке на этой купальской неделе, ныне, при храмовом празднике, простые торги и съезды, но знаменующие собою наиболее прославленные в древности урочища Купальских торжеств. Главные, и старые, и новые: в Виленской губернии Гольшаны, Мядель, 24: Эйшишки на 9-й неделе по Пасхе /девятая пятница/: Боруны, Жупраны 29-го; в Ковенской: Ковна /где столько уцелевших памятников литовского язычества/ с 24 июня; Плунгяны, Посволь 24; Поюрге /Поюрье/ Россиенского уезда с 19 неделю; Вилкомир 29 /это можно назвать урочищами литовской купалы; следующие - Белорусской в собственном смысле/; в Гродненской: Белосток 24-го и Гродна с

26 июня; в Минской: Минск, месячная ярмарка, кончающаяся на другой день по св.Иване; Борисов, Лоев, Пинск в 10 неделю по Пасхе /10 пятница/ Сержень и Туров 29-го; в Могилевской: Ляды с Духова дня неделю; Могилев с 29 три днч; Шклов на 9-й неделе, Быхов на 10-й после Пасхи; в Витебской: Освей в пятницу перед Петровым днем, Бещенковичи - 29 Июня

..... Перелом лета, природы и крестьянских занятий, совершающийся со дня Купалы, выражен в особой белорусской пословице: "Перед святым Яном просить, детячки, Бога о дождь, а по святым Яне я й сам упрошу".

Таким образом, после Купалы Кустов и Кралиц или Додол, испрашивающих Дождя, а вместе плодородия, и его с собою приносящих, Купала и купанье ее решает дело на все остальное лето. Как с Юрья роса, так с Купалы вода, - готовы не всегда.

Это для Белоруссии высший летний пункт древнейших священных обрядов, сказаний и песен: отсюда идут уже тяжкие работы в поле, или обряды и песни Бытовые, житейские: вплоть до другого, противоположного, такого же пункта зимнего, 24 Декабря.

Из бытовых песен после Купалы — лучшие — при полевых работах, особенно в конце их; из других, Семейных или Житейских — Свадебные, после работы, с осени, когда всего более свадеб. Обряд, в его исконном, до-христианском значении, хотя и освященный уже впоследствии церковью, восстанавливается только в Октябре, в Родительскую.

Родительских, то есть поминальных дней по родителям или, иначе, всем ближайшим предкам, на Белой Руси, как и на Великой, собственно четыре. Первая или самая ранняя с начала весеннего года, носит известное имя Радаўница, Радавница, Радуница, Радунец, в связи с чем и всякие годовые поминки по умершим, годовщины, называются также Радовница. Она совершается во вторник на Фоминой неделе, после полудня; поминальные кушанья в этот день называются Снеданье, Снеданья по родителям, т.е. завтрак, первая еда. Влияние христианства выражается здесь тем, что по могиле катают яйца, христосуясь ими с покойником. Вся неделя по этому дню именуется "Навьски Велик-день", пасха навья, покойных. — Вторая, подобная, в субботу перед Троицей: остаток до-христианских, Троицких или Сеймиковых обычаев, выражается здесь тем, что старшая в семье женщина обметает "веником", как бы троицким веником, могилы родных /"опахивает"/; кушанье называют "Обед по родителям", вторая еда. — Третья, и главная, — знаменитые Дзязы /дяды/, обряд Дядоў, общие всему народу и общие всем усопшим поминки. В язычестве эти духи "дедов" означали некогда, как у нас и до сих пор, вместе дедов — Домовых, Ведунов и вообще демонов: от того обряды в их честь, "стравы" и "тризны" сопровождались широким развитием и играми. Известно, как воспел их Мицкевич. Отпразднались они с половины Октября по половину Ноября /с коим ныне совпадает начало Рождественного или Филипова поста/, — целый месяц; есть к тому по-ползновение и ныне, в роде Масляницы перед Великим Постом. Но церковь православная отвела уже определенное, Христианское поминовение на "Дмитровскую субботу", перед 26-м октября, а католическая на 2-е ноября, на другой день "Всех святых", на так называемый "д'ень задушны, , заупокойный. Стол на этот раз носит имя "Вечеря по род'ителях, ужин, третья и последняя еда. — Четвертая, по видимому, происхождения уже христианского, от того и строже всех отпразднваемая у Христиан, в субботу перед мясопустною неделю, в отвлечение от древне-языческой масляницы, подобно как направлены к тому же и все прочие христианские воспоминания того же времени, О Мытаре и Фарисее, Блудном Сыне, Страшном Суде. Крестьяне называют ее "Суббота тоўстая", пообилию кушаньев в заговенье, между тем как в

у многих называются "Мясныя". Как вставочная между другими, суббота эта именуется также Полуд'ень по родителям, еда средняя.

Католическая церковь, более строгая и не столь терпимая к остаткам древности, сосредоточивает поминовение на одном "дне задушном", 2 ноября, когда, после великолепного траурного служения, поминки совершаются на дому весьма просто, без особых обрядов, только с лучшим угощением. Но крестьяне вообще, а православные в особенности, держат еще и другие родительские: Церковь освящает это служением, участием духовенства, поминаньями, остальное — идет по старому.

Именно, общее всех сих родительских то, что они общенародны: все идут на могилки, где, разстлала полотенца, ставят кушанья в большом обилии, между прочим особенно кутья с медовой сытой, какоры — булки, рыбу, — когда, есть, блины, творог, яйца и тгд.: по местам соблюдают в кушаньях нечет /"в лиху, лихом"/, 3, 5, 7; водка непременно; все это, с причитаньями, предлагают "святым родителям", вызывая их, старых и малых, "хлеба-соли кушать"; если дома, — вывешивают за окно полотенце, как скатерть духам умерших; поевши сами, извиняются перед ними в скромном угощении — "чим хата богата, тым и рада"; после прощаются с пожеланием "лѣхкэй зямлі ляжати"; остатки раздают нищим; заключают нередко в корчме, с песнями уже и плясками, сменяющими обычные "голошенья", вообще остаток дня не работают.

Но, как сказано, главным поминовеньем остается тертье, в древности на Литве и Белорй Руси отправлявшееся с торжеством особенным, как нигде уже у Славянских тогдашних их современников: в присутствии "козляра" или "кузляра", чародея и вещего певца, даже жреца в смысле руководителя обряда. Ныне это исчезло, однако крестьяне все еще накануне священного дня по местам уходят на пустынное место кладбища, обыкновенно в деревьях, к запустелому зданию или пустой хате, ставят там кушанья, чрез главу семьи вызывают поименно покойников, каждому бросают по блину, если дома — то под стол или вон за окно, хранят в эти минуты священное молчание; прежде или после голосят хором, как в день погребения; в заключение едят сами и кормят нищих.

Однако все это остатки лишь обряда: Стихи исчезли, а песня, как импровизация, является лишь в голошение, которое то же, что и при всяком частном погребении, при событии частных семейств и потому будет приведено ниже в своем месте.

Филиппов пост, или у католиков, не ностящихся подобно православным, вообще осень и начало зимы тянутся весьма однообразно: по большей части дома, за домашними работами; мужчины разве только съезжают на торг да за дровами; канун св. Екатерины /24 ноября у православных, 25 у католиков/ и св. Ан. Андрея /30-го/ сопровождаются гаданьями, воспоминающими Купалу или предначинающими Коляду /в тех же числах месяца/, - но это уже западнее, в соседстве с Русью Черной, Подлясьем. За то женщины по вечерам начинают уже песни, к коим и переходим.